

ИЗ КОКАНА

СВЕДЕНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО
КОКАНСКОМУ ХАНСТВУ

А. П. Федченко в 1871 г.

Текст воспроизведен по изданию: Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству А. П. Федченко в 1871 г. Ташкент. 1871

I.

Исполняя данное мною обещание пишу к вам первую корреспонденцию мою, уже из пределов Коканского ханства. О путешествии пока много сказать не могу: очевидно, что оно в полном размере начнётся лишь после посещения хана. Отсюда (из г. Махрама) я хотел послать с банкой за горным маслом (Хаджи-Юнусова), но мне отвечали, что без разрешения хана это невозможно. Впрочем на недостаток предупредительности и любезности жаловаться нельзя; извещенные предварительно, и уже имеющие предписания из г. Кокана, власти готовят помещение, еду, и выезжают на встречу. Здешний бек (махрамский), правда, не показался, но назначил чиновника с палочкой (юз-баши), для исполнения наших желаний. В Махраме мы ночуем и после завтра прибудем в Кокан.

Вообще начало путешествия нашего убеждает, что мы будем совершать его с полным удобством и безопасностью. Единственно, что могло представить затруднение, — волнение в стороне Каратегина, устраняется: еще в Ходженте я получил сведение, что возстание подавлено и на днях казнен в Кокане последний из взятых 12 мятежников, и притом казнен самым варварским образом: на одном мосту

ему отрубили нос, повели [2] на другой и там отрезали уши, на третьем—руки, и наконец на четвертом—голову.

Ходжент возбудил к себе мое внимание: это город многих, и притом самых важных для здешнего края производств (шелководство, хлопок, крашение, ткачество); к тому же в Ходженте есть все условия для дальнейшего развития этих и многих других отраслей промышленности: благоприятный климат, трудолюбивое и понятливое таджикское население, близость каменного угля, соседство с богатым Коканом, нахождение на Сыр-Дарье. Относительно болезни шелковичного червя сведения утешительные: болело мало, а в Ташкенте, как говорят, обнаружилась болезнь только у Хаджи-Юнусова. Количество полученных в нынешнем году в Ходженте коконов огромно. Семяна, оставшиеся от прошлогодней заготовки для вывоза, все были пущены на выводку. Это повело за собой недостаток тут и цена на него поднялась более чем втрое: за осла (пять снопов) платили от 1 р. 40 к. до 2 р., тогда как в прошлом году самая дорогая цена была 60 к. Повышение цены на тут не оправдало расчетов на большой барыш, да к тому же и цена на коконы упала: вместо 14—16 (1870 г.) они стоят около 6 руб. 30 к.; были сделки даже по 4 руб. В настоящее время делаются большие закупки; так напр. Арзамат-ходжа купил на 2000 тиллей коконов, для отправки в Бухару. [3]

II.

Я откладывал сообщение дальнейших подробностей о моем путешествии до представления хану, потому что тогда только мог разрешиться вопрос: какие местности ханства будут доступны нашим наблюдениям. 12-го июня наконец последовало представление. Хан принял меня в своем дворце. Аудиенция ограничилась только тем, что он прятал письмо, которое я должен был вручить от имени г. генерал-губернатора, спросил о его здоровье, прочел все письмо и сказал: "якши" (хорошо). Затем нам показали несколько комнат дворца, надели халаты, и—мы возвратились домой. Слово: "якши" было разрешением мне путешествовать по Коканскому ханству.

На другой день я много говорил с мехтером о подробностях путешествия. Он описывал самыми мрачными красками горные дорожки, рассказал, что будто бы горные жители, для безопасности при ходьбе по горам, привязывают поперек своего тела длинную палку, чтобы при падении было чем зацепиться, и т. п. Я поблагодарил его за эти сведения, но сказал, что надеюсь на себя и на О. А. (А. Федченко) потому что уже и прежде приходилось нам путешествовать по дурным, горным дорогам. Из местностей, упомянутых в письме г. генерал-губернатора, мехтер указал только на

Терек-даван как на место, опасное для нашего [4] посещения, уверяя, что близко по ту сторону гор стоит кашгарский пикет, который конечно, при слухах о нашем путешествии, будет усилен. Решили пройти по дороге к перевалу, на сколько можно.

Кокан я успел осмотреть довольно бегло: подробно осматривал я только писчебумажную фабрику, потому что заведения этого рода составляют в Средней Азии большую редкость: кроме Кокана они находятся еще только в с. Чарку. Относятся к нам в высшей степени ласково и предупредительно; гостеприимство—полное. Вообще нам можно быть вполне довольными, и если кое что делается не вполне так, как бы хотелось, а главное — медленно, то это происходит единственно от привычки или от неумения. При разъездах по городу, нас сопровождает почетный конвой, который нещадно разгоняет палками любопытных. Для сопровождения экспедиции в пределах ханства, назначен Караул-беги Абду-Карим, с семьей джигитами, а чтобы мы везде имели беспрепятственный проезд, хан снабдил меня открытым предписанием ко всем начальствующим лицам. Привожу в переводе это предписание:

“Правителям, аминам, серкерам и другим начальствующим лицам округов: Маргелана, Андиджана, Шалархана, Аравана и Булакбаши, и городов: Уша, Учъ-Кургана, Чемиана, Соха, Испары, Чарку и Варуха, да будет

[5] известен сей высочайший приказ: шесть человек русских и в числе их—одна женщина, с семьёю служителями, едут видеть гористые страны, почему повелевается, чтобы в каждом округе и в каждом месте их принимали, как гостей, чтобы никто из кочевников и сартов их не трогал, и чтобы упомянутые русские совершили свое путешествие весело и спокойно. Это должно быть исполнено беспрекословно!".

К открытому предписанию приложена именная печать Сеид-Мухаммед-Худояр-хана.

Маршрут, который я первоначально составил, был следующий: из Кокана я предположил ехать в Испару, откуда горами пробраться в Марглян, делая экскурсии к снеговым горам, по долинам рек: Испары, Кокана и Шагимардана. Дальнейший маршрут должен был определиться в Маргляне, по согласию с султаном Мурад-беком.

17-го июня мы отправились в первую нашу экскурсию на Испару. Первый ночлег мы имели в с. Яйпан; отсюда уже не далеко и граница культурной полосы. Она оканчивается у равата Карим-диваны, который теперь из заезжего двора переделывает его в свою гробницу. У Равата же дорога входит в ущелье Ляккон-дагана, по которому течет солёный ручей. Вид отсюда на долину Ферганы чрезвычайно живописен: такой массы культурной зелени я ни разу еще не видал в Средней Азии. Сады и поля [6] непрерывно идут до г. Кокана и далее, к Сыр-Дарье. Направо и налево они

тянутся тоже почти непрерывно и только близ подошвы невысоких, конгломератовых гор, остаются пространства неводеланной земли. Все это богатство садов и полей обусловлено множеством арыков, веерообразно отходящих от горных речек, там где они выходят из гор на степь.

Ущелье Ляккон довольно широко. Дорога по нем проходит арбяная; местами дорога переходит через узкие, каменистые теснины, но до самой Испары остается удобною для колесной езды, и мы встретили очень много арб, возвращавшихся с испаринского базара. Дорога эта имеет только одно неудобство: на протяжении 25 верст она безводна. Горы состоят из конгломератов, третичных глин и гипса; здесь ломают много алебаstra отвозимого в Кокан. В стороне от дороги добывается жерновый камень. Из этих гор текут незначительные солёные ручьи.

Испара и смежные с нею: Чильгазы, Кулькент и Ляккон лежат в обширной долине, тянувшейся с востока на запад, и лежащей уже значительно выше коканской степи.

Испара — древняя Асфера, сообщившая свое название целому хребту гор (Асферахские горы у Гумбольдта) не имеет никаких остатков глубокой древности. В самой Испаре древнее всего развалины обширной мечети из жженого кирпича: [7] постройку мечети жители приписывают Абдулла-хану, а потому называют ее: "медрессеи Абдулла-хан". В ущелье лежат, на искусственном холме, развалины

кургана, который теперь совершенно разрушился, и у жителей не сохранилась даже указаний: кто и когда в нем жил. Выше, на скале есть остатки другого, небольшого кургана; и тот и другой называются жителями Зимвраша.

В Испаре кончается арбяной путь; далее дорога идет по широкому и чрезвычайно живописному ущелью, и верст чрез 18 приводит в продольную (направление в. з.) долину, где лежат села: Сур и Чарку. Чрез ущелье, по которому протекает р. Испара, мы переехали в продольную долину, где лежит село Варух. Общий характер местности здесь следовательно — террасовидный. Селения лежат на продольных площадках, разделенных не очень высокими, скалистыми и совершенно голыми горами. Следующие цифры дадут приблизительное понятие об относительной высоте этих террас: Коканская степь 1100', Испаринская терраса 2200 ф., Чаркуйская 3500, Варухская 4600.

Варух — последний кишлак: выше его, в горах лежат пашни варухских жителей, таджиков, а еще выше — летовки (яйлау) киргиз. В этих горах кочуют киргизы кипчаки, и благодаря встрече с одним ханским джигитом Хасаном пяндбаши, мы проехали в Джиптык яйлау, где проводит лето один [8] из кипчакских биев: Катта-Айт-Магомет-бий. Дорога в его аул идет из Варуха, по ущелью Ходжа Чибурган, по которому поднимаются на Джиптыкский перевал имеющий до 12000 ф. высоты (высота барометра 485.2 *mm* при $t=16^{\circ}$

С). Спуск с перевала чрезвычайно крут; почти прямо под ногами протекает река Джиптык, на высоте 9500 ф.

Весьма любопытна была поездка, которую мы сделали к верховьям Джиптыка. Эту речку должно считать началом р. Испары. Вытекает она из ледника, который лежит верстах в 8 от кочевки бия. Чтобы ознакомиться с ледником, я прошел по склону горы на сколько было можно (около 4 верст) и затем перешел на самый ледник. Начало ледника составляет обширный, продолговатой формы цирк, лежащий вдоль главного, снегового хребта, и на севере запертый скалистыми горами, оставляющими узкий (в $3/4$ версты) выход масс льда. Наибольшее протяжение цирка (O W) между высшими точками — до 8 верст. Южный край цирка обставлен девятью пиками, из которых некоторые очень высоки, полагаю, не менее 18—19,000 ф. Самое низкое место между пиками едва ли ниже 14,000 ф. Из промежутков между пиками спускаются в цирк обширные ледники, приносящие большие боковые морены. Эти морены на главном ледник делаются срединными. В том месте, где я был на леднике (около 12.000 ф.) ясно видно было семь рядов камней. Поверхность ледника была [9] изборозжена в этом месте множеством ручейков и прикрыта тонким слоем шероховатого льда. Ниже этого слоя был зеленоватый лед, со множеством пузырьков (фирн). Кроме морен, большие и малые камни разбросаны на

поверхности ледника и некоторые из них, предохранив лежащий под ними лед от действия солнца, оказались лежащими на столбиках льда, образуя, так называемые, столы. Под этими камнями в изобилии найдено насекомое (*Podura*), встреченное и на европейских ледниках.

Ниже — морены теряют свою правильность, сливаются и покрывают камнями всю поверхность летника. Нижний конец ледника спускается до высоты 10,000 ф. В прежнее время он имел большие размеры. Это можно заключить из того, что конечная морена, в виде полукруглого вала, лежит саженьях в 25 от теперешнего края ледника, и затем на склонах ущелья, над конечной мореной сохранились два уступа, очевидные следы бывших боковых морен. Верхний уступ лежит на высоте 30 саж. над дном долины. Теперешний ледник имеет на конце только около 12 саж. высоты. С края его почти постоянно сыплются камни, увеличивая собой конечную морену. Что конечная морена уже давно отошла от ледника, доказывается множеством растений, выросших между камнями морены. Речка образуется из трех рукавов: средний вытекает из под льда, боковые текут по краям ледника, по временам [10] пропадая под льдом или боковыми моренами. Начало бокового ручья я видел: он каскадом падает из трещины, верстах в трех от

конца ледника. Трещины эти широки (до 1 аршина) и воспрепятствовали мне пойти обратно по самому леднику.

Ледник и высший пик, в честь глубокоуважаемого президента нашего общества, я назвал ледником и пиком Щуровского.

Джиптык ниже принимает несколько небольших ручьев и получает название Кереушина. Ходжа-Чибурган впадает в р. Кшемиш. Ниже Варуха Кшемиш и Кереушин соединяются и образуют весьма значительную реку Испару. Экскурсия эта была особенно интересна по множеству альпийских (10,000—12.000 ф.) растений, встреченных вблизи ледника и на перевале Джиптык. Любопытно еще нахождение в этих горах кустарника *Caragana*, весьма характеристичного для Нарынского края и ни разу не попадавшего мне в Заравшанской долине.

Вернувшись в Варух, мы отправились городами, чрез киргизское селение Кара-булак, в Сохе. На этом переезде особенно любопытно ущелье Караколь, по которому из террасы, составляющей продолжение Варухской, мы спустились в террасу, соответствующую Чаркуйской.

Из Соха идет дорога в Каратегин; к сожалению, мне не придется проехать по ней: недавнее возстание киргиз сделало эту дорогу недоступной для коканцев. [11] Жители Соха боятся показаться в ущелье, начинающемся близь самого селения. Между тем, судя по рассказам, эта дорога должна

быть чрезвычайно любопытна. Трудности ее подали повод к следующим стихам: *** т. е. "если не имеешь надобности, не ездь в Зардалю; если нет крайности, не ездь в Чаканду; если нет скорого дела, не ездь в Ходжа-Шикан".

Трудности дороги заключаются в восьми перевалах, для обхода стремнин реки, в переправе чрез горное озеро, чрез которое переходят зигзагами, по мелким местам, и в переходе чрез Тарак, который есть ничто иное, как большой ледник. Слово тарак значит: гребенка; ледник назван так по множеству трещин, чрез который приходится переходить. Для безопасности привязывают поперек тела длинные палки, чтобы, в случае падения в трещину, зацепиться за края и удержаться, пока подадут помощь товарищи. Выходит эта дорога на каратегинское селение Яркушь, откуда, через Сокау и Калеиоб приезжают в Гарм. Трудности этой дороги не остановили бы меня, но враждебное положение киргиз заставляет выбрать для посещения какой либо другой перевал, лежащий восточнее. [12]

Повторю еще раз, что гостеприимством и предупредительностью коканцев я вполне доволен и вообще есть надежда на успешный исход предпринятого путешествия.

В кишлаке Сох мы сделали дневку; прямо ли поедem отсюда в Марглян, или сначала посетим Шагимардан, еще не решено.

III.

Из письма А. П. Федченко, отправленного 2-го июля, из с. Шагимардана, видно, что встретились некоторые затруднения для дальнейшей поездки нашего неутомимого естествоиспытателя к горным перевалам, ведущим в Каратегин. В начале юз-баши Таш Магомет охотно вызвался сопровождать экспедицию А. П. Федченко; но 2-го июля жители Шагимардана явились к караул-беги Абду-кариму, и заявили, что они считают опасною поездку к перевалу Караказук. По их словам, с той стороны перевала легко может быть произведено нападение, даже единственно для того, чтобы сделать неприятное хану, явно покровительствующему путешествующей по Кокану ученой экспедиции.

Так как коканский хан указывал только на опасность экскурсий к стороне перевала Терек - даван, ведущего в кашгарские владения, и разрешил произвести экскурсии к стороне Каратегина, то А. П. Федченко указал на это обстоятельство в письме своем к мехтеру и заявил, что он останется пять дней в [13] Шагимардане, в ожидании ответа от коканского хана. Во всяком случае А. П. Федченко, надеется доехать до озера, чрез которое протекает р. Аксу; там уже можно будет узнать наверное: на сколько безопасен дальнейший путь к перевалу Караказук.

Из письма А. П. Федченко видно, что главный источник затруднений в экскурсии к каратегинским перевалам — назначение, для сопровождения экспедиции, караул-беги Абду-Карима, городского жителя, который, кроме больших городов и селений, нигде не бывал и чувствует почти суеверный страх пред горами. Когда экспедиция проезжала из Варуха в Сох, чрез тесницу Каракол, то караул-беги все время читал молитву и со страхом поглядывал на висящие камни. Он же поддерживает и все слухи об опасностях при экскурсии к перевалу Караказук. Неосновательность всех этих опасений видна уже из того, что у подошвы перевала стоят аулы коканских киргиз и в них живут люди юз-баши Таш-Магомета, заведывающего дорогой. Следовательно всегда можно было бы иметь во время сведения о появлении неприязненных шаек, так как конная дорога одна. “Все это, говорит А. П. Федченко, наводит сомнение — удастся ли нам посетить Алай и вообще совершить путешествие в задуманных размерах.”

В Шагимардан А. П. Федченко проехал горами, не заезжая в Марглян. Бек марглярский, Султан-Мурат еще не [14] возвращался, а ехать туда, чтобы видеть глиняный город, едва ли стояло. Все это время А. П. Федченко предпочел проработать в горах.

IV

(Корреспонденции А. П. Федченко из Уч-кургана, Оша и Туз).

После последнего письма, в котором я сообщал подробности путешествия по Коканскому ханству, я пробыл в Шагимардане еще пять дней. В это время мехтер уведомил меня, что хан уехал из Кокана, что письмо мое отправлено к нему и что он, с своей стороны, не советует мне ехать в Каратегинские владения. Откуда он взял, что я хочу отправиться в Каратегин, — не понимаю!

На другой же день отправились мы из Шагимардана к перевалу Караказук. На горе джигитов, посланных со мной, на пол-дороге встретился нам юз баши, заведующий дорогой; он только что выехал из аулов, стоящих у перевала, следовательно знал, что никакой опасности нет. Джигиты же рассчитывали что мы повернем назад от озера, где дорога довольно дурна и где приходится много раз переезжать речку в брод. С юз-баши без всяких препятствий мы доехали до аулов у перевала, где и остановились на ночлег.

На другой день двинулись мы далее, к перевалу, до которого от места ночлега оставалось верст восемь. Проехав версты три, джигиты слезли с лошадей и [15] указали, где находится даван (перевал), который по их словам, был уже

недалеко—на лево, за горой. Никакие просьбы не могли заставить их добровольно ехать далее, по крайней мере до того места, откуда виден перевал. Джигиты упорно отказывались, и для большей убедительности даже легли на землю. Только тогда, когда я один отъехал от них на пол-версты, они присоединились ко мне, но все таки остановились у подошвы перевала. Убедить их подняться на даван не было никакой возможности. Не поехал бы и юз-баши, вообще охотно ехавший с нами, хотя всю дорогу на него сыпались упреки, даже угрозы пожаловаться мехтеру за то, что он едет с нами, и т. п.

Опасности между тем не было ни малейшей после оказалось, что юз-баши послал вперед, на перевал, киргиза, который и сидел там, в качестве караула, все время, пока мы были внизу. Еще позже я узнал, что и за перевалом лежат также коканские земли (по р. Кок су).

Таким образом оказывается, что отказ со стороны джигитов ехать с нами было просто нежелание их пробыть лишний день в горах и испытывать всякие затруднения и неудобства горной езды. Если бы мы доехали только до озера, то они в тот же день, к ночи были бы снова в кишлаке; если бы мы вернулись оттуда, где джигиты легли на землю, надеясь тем отклонить нас от дальнейшей поездки, то нам пришлось бы провести [16] только одну ночь в киргизском яйлау, (высота его 9500 фут.), что действительно, не

особенно приятно: и голодно и холодно. А тут, в добавок, мы настаиваем ехать еще 6 верст, по скверной, каменистой дороге!... Если сравнить стоянку в киргизском яйлау, и в кишлаке, в роде Вадиля или Учъ-курмана, то становится совершенно понятно, почему джигиты так неохотно едут в горы и подбужают жителей и власти говорить, что дороги нет, что ехать не безопасно, и т. п. Они пробовали даже убеждать, что мы можем упасть с обрыва и расшибиться. При одной экскурсии, где есть, действительно, очень опасное место (карниз—подъем по скале над озером), караул-беги поручил даже взять с меня расписку, что я пошел по этому опасному месту, не взирая на их предостережения. Между тем по времени года, богаты животными и растениями только места, вблизи снегов. Особенно заметно это на растениях. Средине июля — самое лучшее время для собирания альпийских растений (на высоте около 12,000').

Я еще не сообщил вам, что в Шагимардане находится гробница самого уважаемого коканского святого — Шаги-Мардана (царь людей), которого жители считают за четвертого калифа — Али.

В Шагимардане соединяются две речки: Кара-су и Ак-су. По Кара-су я проехал верст шесть, а по Ак-су до Караказукского перевала (30 верст). Ак-су образуется из нескольких ручьев, из [17] которых главный, Алаудин, судя

по цвету воды и по рассказам, вытекает из ледника. Перевал находится у верховьев ручья Кара-казука. Я поднялся по ущелью до высоты 12,000'. Со старой морены, загромаждающей вершину ущелья, видны были на лево, на горе, зигзаги дороги, запорошенные выпавшим накануне снегом; это и есть перевал. Высота самого перевала будет около 14,000 фут. К востоку и западу от перевала возвышается несколько пиков, из которых многие не ниже 19—20,000 фут. Снеговой хребет в этом месте имеет направление не строго с востока на запад, но уклоняется к югу. Впрочем об этом, также как и о других географических результатах, я получил ясное представление только после посещения Исфайрамского давана.

Во время моего пребывания в Учъ-кургане, я посетил Музафар-ша, бывшего каратегинского бека. Он был в большем горе: только что похоронил свою любимую 16-ти летнюю жену, на которой женился когда ей было только 12 лет. О. А. (О. А. Федченко) посетила мать умершей: все лице ее было изодрано, в знак печали; говорить она не могла, а только охала и плакала.

Музафару-ша лет 50, но это еще крепкий, здоровый мужчина. Надежды мои получить от него сведения о географии Каратегина мало оправдались. Он дал мне список своих предков, но не мог [18] довести свой рода до

Александра Македонского, на происхождение от которого ша претендует.

30-го июля прибыли мы в Ош, благополучно посетив Алай, или точнее—его южный конец, у каратегинской границы. В Алай я проехал из Учъ-кургана чрез перевал Исфайрам, в сопровождении назначенного марглянским беком, султаном Мурадом, Нур-Магомет-мирахура; из Алая же в Ош проехали чрез, так называемый, малый Алай. Вся эта поездка, с трехдневным пребыванием в Алае, заняла 14 дней, (от 17 до 30 июля), в которые мы сделали около 220 верст: около 70 из Учъ-кургана в Алай и до 150 оттуда в Ош.

Дурное состояние дорог сильно затрудняло путешествие, особенно для вьюков, хотя и весьма легких. Относительно трудностей, обе дороги почти одинаковы. Исфайрамское ущелье замечательно весьма легким перевалом: он не достигает и 12,000 фут., и притом—мягкий, покрытый альпийскою растительностью. Зато дорога, прежде чем достигнет яйляу Тенгис-бай, чрезвычайно камениста и идет по обломкам скал. Дорога через малый Алай затруднительна в том месте, где речка Ак-бура, сначала протекавшая с запада на восток, между двумя параллельными хребтами, прорывается в степь. Прорыв чрез последнюю гряду гор, вблизи самого Оша, так узок и обрывист, что дорога поднимается на [19]

вершину горы (Кулнарт-бель). Кроме этого перевала, на той же дороге есть еще два перевала: Кавук и Кордун. Кавук—в хребте отделяющем бассейн Аму-дарьи от Сыра, имеет до 13,000' высоты ($b=470\text{ mm}$; $t=7.90\text{ C}$), но уровень для подъема; другой перевал, Кордун-бель, еще выше $b=466.3\text{ mm}$; $t=9.500\text{ C}$) и составляет водораздел речек Ак-буры текущей в Ош и Исфайрама, протекающей чрез Учъ-курбан. Любопытно, что этот водораздел образован третичными осадками (тут же есть и ярус с *Gryphea*, известной из окрестностей Ходжента и из других мест), поднятыми на страшную высоту более 13,000'. Вообще вся эта страна, называемая малым Алаем и обнимающая верховья рек Исфайрама и Ак буры, имеет весьма значительную высоту: три ночи мы должны были провести выше 10,000 ф.

Обращаясь к Алаю: так называется высокое плоскогорье в верховьях р. Сурхаба, северной ветви Аму-дарьи. Название Сурхаб эта река получает впрочем ниже, по соединении с р. Мук, там, где начинается область каратегинских таджиков. Выше же, в районе кочевого киргизского населения, река Сурхаб называется равнозначущим именем Кизыл-су. Цвет воды ее, действительно, значительно красный, что очевидно указывает на нахождение ее истоков в области красных глин, третичной формации (Река Исфайрам во время нашего пребывания в Учъ-курбане, из грязно-серой в одну ночь

сделалась почти кроваво-красной. На пути из Алая в Ош я увидел приток, окрашивающий реку в красный цвет (поток Гезартнын-чаты). Другой ручей имел сильно желтую воду. Третичные осадки состоят из слоев разноцветных глин; от слоя, по которому протекает ручей, и будет зависеть цвет его воды, а так как количество воды в различных ручьях изменяется от разных обстоятельств, то изменяется цвет воды и в главной реке, которую можно назвать рекой—хамелеон) [20]

Высота Алайского плато, в том месте, где я его посетил, (у кургана, где живет Измаил-токсаба, начальник алайских киргиз) с небольшим 8,000. Ширина его в этом месте около 10-ти верст (Далее к востоку Алай шире, гор ограничивающих Алай на востоке, не видно, и он имеет в этом направлении вид ровной безграничной степи, лежащей между гор, и расширяющейся к востоку. Впрочем он тянется не прямо на восток, но с заметным уклоном к северу). С юга Алай ограничен весьма высокими горами, несравненно более высокими, чем с севера. Эти горы, которые за отсутствием местного названия, я буду пока называть Заалайскими, имели такой вид, какой имеют в марте месяце горы близ Ташкента: так, велик в них снеговой пояс, а между тем снеговая линия находится не ниже 14,000'; по крайней мере, когда я был на перевале Кавук (безснежном),

выше 13,000', снег в Заалайском хребте лежал еще выше. Средняя высота хребта едва ли будет менее 18—19,000' а пики поднимаются еще выше и некоторые, по всей вероятности, не ниже 25,000 фут. Вообще, по грандиозности своей, вид на этот хребет [21] не имеет себе подобных во всем Туркестанском крае. К сожалению, боязливость коканских властей за нашу безопасность не позволила посетить ни одного из ущелий Заалайского хребта. Ущелья эти, из которых вытекают речки, притоки Кизыл су, вообще не глубоки, и только одно—Алтынин-дара, находящееся против кургана токсабы, имеет значительную длину, именно: день пути (25—30 верст). Оно любопытно тем, что в нем добывается соль (оттуда и название протекающей по нем речки, Тус-су; соль впрочем дурная), и что по нем идет дорога в золотоносную речку Мук-су, принадлежащую Каратегину, и оттуда в Шугнан и Дарваз.

В восточной части этого хребта есть еще перевал в Кашгарскую область Сарыкол, и еще далее к востоку—перевал в Кашгар Таумурун. В остальных частях мне описывали его совершенно непроходимым, да и про эти три дороги говорили, что оне чрезвычайно трудны и служат только для воров и беглых. За то верховья речек славятся, как превосходные пастбища. Там находятся яйляу, в которых летом сосредоточивается почти все киргизское население Алая и множество киргиз, имеющих зимовки в коканской

долине. Самый Алай, в том месте, где я его посетил, имеет значение зимнего пастбища, так называемого кстау. Не смотря на значительную высоту, он имеет в этом конце весьма степной характер, как по [22] своей растительности, так отчасти по животным. Даже такие, чисто степные птицы, как бульдрук (*Pterocles arenarius*), были встречены близ кургана. Киргизы засевают здесь довольно много ячменя и даже пшеницы. Есть и несколько полей люцерны, (дженушки), которую снимают два раза в лето. Дженушка эта впрочем роскошь, потому что и песчанистая степь, и луга близ речки покрыты весьма хорошим подножным кормом. Виденные мною поля, все оби, т. е. орошаемые. Все это показывает, что климат Алая не суров зимы впрочем, говорят, очень обильны снегом, который бывает в пояс глубиною. Деревьев не разводится ни одного, да и дикорастущих очень мало. Не богаты вообще здешние горы древесной растительностью, но горы, окружающие Алай, можно назвать совершенно безлесными: архи (можжевельника) очень мало, да и тот почти весь низкорослый. Это тем, более удивительно, что по ущельям северных склонов, леса поднимаются до высоты более 11,000 ф.

Большая часть виденных мною полей в Алае были не засеяны. Семяна для них получались из Каратегина, так как

вьючные дороги из Кокана очень трудны. С изгнанием Музафар-ша, признававшего себя вассалом хана, и с переходом Каратегина в вассальную зависимость к эмиру, сношения с Каратегиним прекратились, и даже сделались неприязненными. Это [23] отозвалось на земледелии в Алае, да, кажется, и на настроении алайских киргиз. По крайней мере коканцы сочли за нужное маленький заброшенный курган значительно расширить и поселить там, в качестве начальника постоянно кочующих в Алае киргиз, Исмаил-токсабу, с значительным числом джигитов, тогда как прежде все ограничивалось приездом людей от ошского и других серкеро́в для сбора зякета. Вообще принадлежность Алая к Кокану, мне кажется, вполне уясняет важность каратегинского вопроса для коканцев, не говоря уже о том, что Рахим-ша, по словам многих, поддерживает Назыр-бека, сына Суфи бека, как претендента на коканский престол.

Совершенная поездка в Алай интересна, как первое начало естественно-исторического изучения бассейна Амударьи. Для начала, там сделана весьма хорошая находка: в ручьях, близ Кизил-су, найден небольшой вид форели,— первый представитель семейства лососевых из Туркестанского края. Коллекции животных, особенно птиц и насекомых, составлялись, на сколько позволяли время и обстоятельства. Найдено довольно много растений, не встречавшихся прежде.

В географическом отношении, поездка представляет также любопытные результаты, определяя положение водораздела между Сыром и Аму, также северной ветви Амударьи и существование весьма высоких Заалайских гор. За этими горами, где нибудь не далеко, находится и [24] знаменитый Памир. Существование Памирской выси, в смысле обширного плоскогорья, в роде Алая, для меня несомненно. Туземцам он известен, под названием Памиль; они различают: Памиль-калян (большой) и Памиль-хурд (малый), и говорят, что это страна ровная и обширная, чрезвычайно высокая, так что алайские киргизы не в состоянии там жить, по разреженности воздуха. Но где, в верховьях какой реки (а несомненно, что Памирское плато имеет строение, одинаковое с Алайским), в каких владениях находится Памиль-калян—пока еще никто не мог мне сказать ничего определенного. Получение точных сведений о Памире много затрудняется тем, что здешние туземцы не имеют сношений с Шугнаном, потому что там живут шига (шииты), альпаказы (иноверцы), которых они, при случае, забирают себе в рабство.

Между тем неизвестное пространство, на котором может находиться Памир-калян, сравнительно не велико: между тем пунктом, где я посетил Кизил-су, и озером Серикуль, (озеро

Виктории), где был Вуд, не более 240 верст, т. е. такое же расстояние, как между Ташкентом и Самаркандом.

Поездка в Алай вообще совершилась благополучно; на переходе 28 июля мы, впрочем, испытали некоторую враждебность туземных киргиз земледельцев: шесть человек, с ружьями, бежали за нами на протяжении почти трех верст, [25] когда мы шли по теснине. Я полагаю впрочем, что враждебно они относились не к нам, русским, а к сопровождавшим нас коканским джигитам. Дело было так: когда я догнал вьюки и коканских джигитов (везде вообще так безопасно, что я ехал вдвоем, с своим джигитом, занимаясь своим делами и то опережая вьюки, то отставая) при впадении Кос-ургана в Ак буру, они обратились ко мне с просьбой: навьючить здесь снопы не совершенно созревшего ячменя, в виду того, что далее полей нет, и нам придется ночевать без корма для лошадей, а запасы все уже вышли. Узнав от них, что хозяев полей не оказывается и денег за ячмень заплатить не кому, я положительно запретил брать ячмень, приказав вьюкам идти далее, а сам поехал вперед. Вблизи этой местности я заметил несколько киргиз. Когда я отъехал уже версты две, меня догнал препаратор и объявил, что за ним и ханскими джигитами гонятся вооруженные люди. Скоро прискакали и джигиты, заявив тоже самое. Подошли вьюки; пропустив их вперед, мы поехали за ними.

Вскоре назади, на расстоянии сажень 60, показались из за камней бегущие киргизы, голые, в одних штанах, с ружьями в руках. Увидев нас, они не остановились. Вьюки, по чрезвычайно каменистой дороге, шли медленно, и я, чтобы, задержать приближение киргиз, поставил на придорожном бугре препаратора с ружьем, в угрожающей позе. [26] Тогда киргизы остановилась и затем, в камнях мы видели уже только двоих. Устроив из препаратора и охотника, с единственно бывшими при нас двумя охотничьими ружьями, арриергард, мы продолжали наше движение. За отсутствием проводника, пошли не той стороной реки, должны были перейти Ак-буру, очень глубокую и быструю, в брод, за тем должны были протоптать, (за отсутствием инструментов), дорожку в чрезвычайно крутой осыпи, так как мост для обхода осыпи оказался разрушенным.

Из рассказов препаратора и бывшего при нем джигита из Ташкента я узнал следующее:

Препаратор приостановился на том месте, откуда началось преследование, найдя там луг, весьма богатый насекомыми; он смотрел больше в свою сетку, чем по сторонам и увидел уже только преследование ханских джигитов киргизами. Бывший же с ним наш джигит рассказывает, что дело началось дракой между двумя ханскими джигитами, начавшими резать ячмень, и двумя киргизами, которые позвали на помощь других, бывших по

близости киргиз. Те побежали на гору и вернулись уже с ружьями; увидев это, ханские джигиты (5 человек) поспешно убежали. Джигиты, конечно, отрицают, что они хотели забрать ячмень, хотя и проговорились, что им нередко случалось силой забирать у киргиз баранов и т. п., и никогда киргизы не сопротивлялись. Джигиты настаивали, одним [27] словом, что это караки (разбойники) и уверяли даже, что у них были сделаны приготовления, чтобы напасть на нас: припасены ружья, сняты кибитки, по рассказам, стоявшие в этом месте и проч. В таком случае странно, что они пропустили нас вперед, когда могли перестрелять всех, засев за камни, при входе в теснину. Должно быть, говорят, заметили ружья (т. е. два ружья!). Все это приводит меня к заключению, что киргизы ополчились на защиту своих полей.

Случай этот хорошо рисует наших охранителей, ханских джигитов, своими поступками они могут только вызвать опасность, а надежда на них плохая. В этом случае все они сильно перепугались и мне пришлось организовать прикрытие из наших же людей: препаратора и охотника.

Город Ош я застал в некотором волнении: серкер и зякетчи с джигитами отправились догонять ходжу, бежавшего в Кашгар с 30 джигитами. Ходжа этот, сын Барюк хана, свергнутого Якуб-беком и проживающего теперь в Кокане. Очевидно, пользуясь расположением кашгарского населения к

ходжам, бывшим своим правителям, он хотел попытаться овладеть Кашгаром. На Гульше он был догнан, окружен коканцами и взят в плен с 11 спутниками; 15 человек убежали, двое были убиты, а один сам себя зарезал—обычай, заимствованный у китайцев, где [28] солдаты зачастую сами себя убивают иногда еще прежде исхода сражению, предпочитая мучительную смерть неизвестности плена.

Опасения мои, что явятся затруднения дойти по дороге в Кашгар до перевала, оправдались: ошский серкер датха Джан объявил, что туда можно ехать только в сопровождении сильного конвоя, который, без особого приказа султана Мурад-бека, он дать не может. Вследствие этого, я послал султан Мурад-беку два письма, и просил его, если нельзя проехать до Баш-Алая, то дать возможность взойти на перевал, ведущий в Баш Алай. Если же бы он находил и это затруднительным то я просил его дать конвой до Гульши, а главное—поскорее решить вопрос о дальнейшем путешествии, чтобы нам не терять время на проживание в Оше. Бек на первое письмо отвечал, что для сопровождения нас, при поездке в страну Гульши, (в письме употреблено выражение Гульши тарафти, что можно было понимать: "в Гульшу, в окрестности Гульши, в сторону Гульши) он назначает из ошских галлябатыров (милиция) десять человек,

под начальством пянджа-баши Нар-куля, "который поедет с вами", писал бек, куда вы захотите и будет показывать дорогу". Вторым письмом конвой усиливался до 20 человек, но говорилось, что дальше Гульши ездить не следует, и что ему, беку не хотелось прямо высказать нам это. Бек писал: "не доверяя [29] жителям, мы до сего времени вам не могли посоветовать, чтобы вы туда (т. е. в Баш-Алай) съездили; мы думали, что вы сами поймете дело. И действительно, вы кажется, поняли, как мало можно доверять, жителям этой страны, потому что хотите вернуться из Гульши. Этому мы очень обрадовались, потому что мы желаем, чтобы вы, наши гости, веселые и здоровые вернулись в свою родину".

После этого письма я потерял уже надежду быть дальше Гульши, но на Гульшу все таки поехал, предполагая, что и эта поездка в страну, не посещенную ни одним исследователем, не пройденную ни одним образованным путешественником, не останется без результатов. 7 августа, с новым нашим конвоем из ошских жителей, вооруженных фитильными ружьями (палтали) и шашками поехали мы по большой караванной дороге. Новый конвой наш не замедлил на первых же верстах обнаружить свою ловкость и военное значение, устроив смехотворное подобие джигитовки, причем один из джигитов так ловко выстрелил из своего ружья, что свалился с лошади, хотя перед выстрелом благоразумно остановил лошадь. До маленького селения Моды, верстах в

одинадцати от Оша, где мы имели первый ночлег, дорога идет арбяная. Отсюда через Лангар и Куплан-куль (маленькое озеро) мы на третий день пути приехали в Гульшу. Дорога идет возвышенными предгорьями и переходит чрез два перевала, около семи тысяч [30] футов высоты, весьма впрочем легкие. Пробыв в Гульше до 10 августа, мы одиннадцатого поехали в Узгент. Проехать по направлению к перевалу, хотя на пол-дня пути, наш вожак Нар-Куль, "который поедет с вами куда вы захотите", отказался на отрез, хотя никакой опасности не предвиделось, так что даже конвоировавшие нас при объезде Гульши джигиты сочли излишним возить с собой свои ружья.

Так как дорога в Гульшу, да и самая Гульша, лежат в области пологих, мягких предгорий, которые скорее можно назвать холмами, чем горами, и так как время года было уже позднее, (т. е. растительность засохла) то ботаническая, добыча была невелика. Более интересны зоологические собрания из этой поездки (Предгорья богаты каракуртами и мне пришлось наблюдать на одном из наших русских спутников (охотников) весьма болезненные последствия укушения этого паука, кончившаяся впрочем без всяких последствий дней через 10. Туземцы говорят, что другого средства спастись от укушения нет, как только заставить муллу, а еще лучше нескольких,—читать, в продолжении нескольких дней молитву, а укушенный не должен все это

время пить воды); для географии же юго-восточной части Коканского ханства эта поездка не осталась без результатов: Гульша, дорога на Терек-даван и самый перевал лежат не в долине Сыр Дарьи (известно, что выше впадения Нарына название Сыр-Дарьи остается за левой, меньшей ветвью. Коканцы убеждены, что эта ветвь [31] есть главная по количеству воды, и что только громадные арыки, отведенные из ней в Шаариханский и Андиджанский округа, сделали ее маловодною, сравнительно с Нарыном; едва ли это так), а в долине Куршаба, маленького притока Сыра с левой стороны. Положение перевала сильно изменяется против прежних карт: его приходится передвинуть верст на 80 к западу, и верст на 30 к северу. Весьма любопытен и тот факт, что Терек-даван не служит для летнего сообщения с Кашгаром вовсе не потому, что дорога заливается водой, от таяния снегов, как говорит Риттер. Дорога по ущелью Терек так покрыта камнями, что проезд удобен только когда снег завалит дорогу и выровняет ее. Летом же едут чрез какой либо перевал в Баш Алай: караваны избирают для этого Шарт-даван, как ближайший; из Алая опять поднимаются на перевал Тау-мурун и скоро выходят (у Токай-баши) на дорогу, идущую с Терека.

Место, где находится Терек-даван, я имел возможность видеть с перевала Торпа, через который ехал в Узгент. С него

видно также было, где отделялся от огромного снегового массива хребет, разделяющий сыр-дарьинский бассейн от Кизил-су, реки аму-дарьинской. Панорама снегового хребта, которому в географии дали не имеющее смысла название Кашгар-даван, была великолепна, так как северные его лежащие [32] горы сравнительно низки. К сожалению, день был пасмурный и это много мешало более точному определению места горного узла.

Переезд в Узгент дал мне еще возможность видеть слияние Тара и Кара-кульджи, двух главных рек, образующих Сыр-дарью (После слияния Тара и Кара-кульджи верстах в 10-ти выше Узгента; в Сыр-дарью впадают еще Яссы с правой и Куршаб с левой стороны. Все другие реки, текущие с гор правой стороны, до Сыра не доходят). Название Сыра эта река получает у туземцев лишь после выхода ее из предгорий в ровную степь (у Шиш-тюбе), после того, как в нее впадут еще Яссы и Куршаб. За начало Сыра, по количеству воды и направлению, нужно считать Тар.

Положение Узгента также сильно изменяется против прежних карт: он оказывается, вместо 120, всего в 63 верстах от Андиджана, и притом прямо к востоку. Вообще эта последняя поездка заставит отрезать порядочный кусок от Коканского ханства в пользу владений Якуб-бека.

Узгент замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретом,

имеющим до 8 сажень высоты, но очевидно имевшем еще большую высоту. Мавзолеи тоже сильно пострадали, но все таки еще великолепны, как по стилю, приближающемуся к мавританскому, так и по рисункам узоров на фасадах. [33] Украшения исключительно из жженого кирпича, покрытого разными, в высшей степени правильными фигурами. Туземцы определяют древность постройки в 760 лет. Рисунки, сделанные О. А., познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии (О зданиях на Тахти-Сулейман в Оше я не буду распространяться здесь: все они новые; пресловутые семь греческих жертвенников не более, как большие, голые скалы, торчащая из горы).

Из Узгента начался наш обратный пут в Ташкент. Не получая уведомления о возможности перехода в Нарынский край и о сделанных для этого распоряжениях на счет проводников и конвоя и имея также в виду позднее время года, я решился ехать в Ташкент чрез Коканское же ханство. На пути я остановился в Андиджане и Намангане. На другой день по моем приезде в Андиджан, туда прибыл коканский хан, и на следующий день уже принял меня. После обычных приветствий, хан спросил: "куда я желаю еще ехать?" Я сказал, что посетив Наманган, хочу проехать возможно кратчайшей дорогой в Ташкент. После хана, я видел и его старшего сына, Хан-Заду, андиджанского бека.

На обратном пути я проехал чрез два большие города: Наманган и Туз, встречая везде самый предупредительный прием. В Гурумсаране отделись от арб, и чрез перевал Кендырь пойду в Ташкент (Г. Федченко прибыл в Ташкент 27 августа).

А. Федченко.

Настоящие сведения о моем путешествии по Кокану составлены на основании писем, которые я отправлял в Ташкент, по мере хода путешествия. От этого и зависит отрывочность, краткость рассказа. Полный рассказ о путешествии я надеюсь издать к будущей весне; в нем я помещу маршрут изображающий мой путь по ханству, и карту ханства в 30 верстном масштабе.

А. Ф.